

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.2

О.И. Блинова

КОМПЛЕКСНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ
СИБИРСКОГО ГОВОРА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Подводятся краткие итоги уникального проекта лексикографической параметризации вершининского говора – одного из говоров среднеобской диалектной группировки. Анализируются информативные возможности шести словарей говора: полного толкового словаря, инверсария и аспектных словарей – вариантной лексики, антонимического и мотивационного, составляющих 15 томов.

Ключевые слова: лексикографическая параметризация говора, полный толковый словарь, аспектные словари, источниковедческий анализ.

Начало реализации авторского проекта комплексной лексикографической параметризации одного говора относится к середине 80-х гг. XX в. [1. С. 11–19]. Выбор пал на один из русских старожильческих говоров Сибири – говор села Вершинино и прилегающих к нему двух сёл с тем же говором: Батурино и Ярское Томского района Томской области [далее – вершининский говор].

Первые наблюдения над говором осуществлены в 1947 г. Е.П. Молчановой и в 1955–1958 гг. О.И. Блиновой. Лексика, фонетика, морфология говора стали объектом анализа в кандидатской диссертации О.И. Блиновой (1962 г.). Первая попытка составления фрагмента полного словаря вершининского говора осуществлена в 1975 г. З.М. Богословской, положившей начало серии дипломных сочинений на эту же тему. С 1985 г. началась коллективная работа под руководством автора статьи по составлению «Полного словаря сибирского говора» (ПССГ) [2. Т. 1–4] диалектологами Томского и Кемеровского университетов, Томского и Омского пединститутов. ПССГ в 4 томах вышел в свет в 1992–1995 гг., став первым в отечественной и мировой диалектной лексикографии словарём одного говора полного типа. В серии других среднеобских словарей он был удостоен Государственной премии РФ в 1997 г.

ПССГ охватил свыше 32 тыс. лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ) вершининского говора. Жанр словаря предопределил включение в него ЛФЕ всех категорий: а) общерусских (О), диалектно-просторечных (ДП) и собственно диалектных (Д); б) нейтральных и стилистически приуроченных (высок., разг., сниж. и др.); в) эмоционально-экспрессивных (эмоц., экспр.) и неэкспрессивных и др.

В итоге впервые создалась возможность выявить «удельный вес» и соотношение в говоре ЛФЕ различных категорий. Так, анализ данных 1-го тома (отрезок А–З содержит 8547 ЛФЕ) позволил определить соотношение ЛФЕ говора в сопоставлении с литературным языком; оно таково: общерусские ЛФЕ составляют 58,2 % словника, диалектные варианты общерусских ЛФЕ –

21,4 %, просторечные варианты общерусских ЛФЕ – 0,9 %, диалектно-просторечные ЛФЕ – 4,7%, собственно-диалектные – 14,6%. Таким образом, общерусское и локальное в словарном составе современного сибирского говора (к локальному относятся и диалектные варианты общерусских и просторечных слов) представлено соотношением 58,2: 41,8 %, что едва ли даёт основания считать диалект категорией уходящей, нивелируемой воздействием литературного языка, а также квалифицировать диалект как полудиалект: слишком значительна в нём доля локальных словарных элементов.

ПССГ представил результаты глубинного лексикографического исследования основных параметров ЛФЕ: их звуковой формы, ударения, лексического значения, моно- и полисемии, вариантности слова, социально-речевой сферы употребления и др., а также предоставил данные для изучения системно-структурной организации говора – явлений мотивации слов, варьирования лексических единиц, синонимии, антонимии, омонимии. Подробнее см. в кн.: [2. Т. 4. С. 270–274].

Основной итог: ПССГ открыл широкие возможности для исследования диалекта в различных аспектах: описательном – лексикологическом, семасиологическом, лексикографическом, лингвокультурологическом; сопоставительном; сопоставительно-типологическом.

В 1998–2002 гг. был опубликован «Вершининский словарь» (ВС) [3. Т. 1–7], включивший 34 170 ЛФЕ говора, и «Вершининский инверсарий» [4]. ВС от ПССГ отличается следующим: а) все словарные статьи, включая статьи с общерусским заглавным словом, без диалектной специфики, представлены в «развёрнутом» виде, со всеми компонентами словарной статьи (в ПССГ они даны в виде словника); это позволило увеличить объём полных словарных статей на 40 %; б) пополнен состав словарных статей (более 2000) за счёт новых ЛФЕ; в) расширена грамматическая характеристика заглавного слова; г) уточнены толкования ЛФЕ, стилистические, семантические или иные пометы; д) обновлён иллюстративный материал словарных статей; е) пополнены статистические данные о количестве фиксаций заглавного слова в текстах.

Закономерно увеличились источниковедческие возможности словаря, отмеченные выше, с опорой на данные ПССГ. Пока неиспользуемыми остаются данные «Вершининского инверсария», помещённого в последнем томе ВС [4. С. 361–516], который включает 22 346 лексических единиц. В состав словаря вошла вся лексика вершининского говора, представляющая отдельные, фразеологически не связанные слова, а также формальные и лексико-семантические варианты слова. Подробнее о составе словаря см. в кн.: [4. С. 363–364].

Как известно, обратные словари обладают большими информативными возможностями, выполняя роль источников исследования разных областей лингвистического знания – акцентологии, фонетики, морфологии, морфонологии, словообразования. Определена их роль и для анализа лексики языка или диалекта с точки зрения её происхождения, в аспекте её эмоционально-экспрессивной и стилистической дифференциации, при исследовании явлений формального варьирования и мотивированности слова и в других аспектах [5. С. 22–29; 6; 7]. В тех редких случаях, когда обратный и прямой слова-

ри «соседей» друг с другом, их источниковедческие возможности возрастают.

Оба полных словаря вершининского говора послужили основной базой для создания аспектных словарей, посвященных лексикографическому исследованию лексических явлений говора.

Явление формального варьирования вершининского говора отражено в словаре З.М. Богословской «Словарь вариантной лексики сибирского говора» (СВЛ) [8]. Он содержит 1247 словарных статей, объединяющих 3179 лексических единиц. Это, по существу, близкий к полному охват вариантной лексики говора, поскольку в словарные статьи отрезка А–К включены лексические единицы и на другие буквы алфавита (например, *велосипед* <...> *лисипед*, *видеться* – *свидеться*, *истоптать* – *протоптать*, *колок* – *околок*).

Словарная статья СВЛ включает: заглавную зону, в которой перечисляются формальные варианты лексем от двух до десяти и более, сопровождаемые различными пометами (грамматическими, стилистическими, функциональными, социально-речевой характеристикой), указывающими на системную принадлежность варианта (общерусские, диалектно-просторечные, собственно-диалектные), на статистические данные), и иллюстративную зону, содержащую тексты и метатексты.

По той же схеме строится словарная статья лексико-семантических вариантов рядов.

СВЛ послужил одним из источников для создания З.М. Богословской многоаспектного исследования формального варьирования слов Вершининского говора и обоснования нового научного направления – диалектной вариатологии [9]. Основные положения теории варьирования слова, которые имеют общетеоретический характер, освещены в работе [10. С. 7–11]. Назовём некоторые из них: 1) развиты и подкреплены данными СВЛ идеи а) о наличии в языке формально-семантического типа варьирования слова; б) о связи формальной вариантности слова с другими формально-смысловыми единицами языка: мотивированными словами, однокоренными синонимами, паронимами, мотивационными парадигмами; 2) проведена типология вариантных рядов с учётом их структуры, семантики, мотивированности / немотивированности; 3) выявлено наложение мотивационных связей лексических единиц на варианты; 4) прослежена связь варьирования слова с лексическими процессами, обслуживающими тенденции к мотивированности языкового знака; 5) сделаны наблюдения об особенностях текстовой и метатекстовой реализации вариантов слов [10. С. 9–10]. Следует подчеркнуть, что типология вариантных единиц в аспекте их структуры и семантики уже реализована в СВЛ: варианты рядов представлены двумя типами – собственно вариантами, обладающими идентичной семантикой, и вариантоидами, различающимися элементами смысла.

Лексическое явление антонимии впервые лексикографическое воплощение получило в «Словаре антонимов сибирского говора» (СА) [11]. Словарь включает около 2000 антонимов, объединённых в антонимический блок, содержащий 851 антонимическую пару. Компоненты антонимических пар могут сопровождаться их формальными вариантами (акцентными, грамматическими, лексико-морфологическими), однокорневыми словами, грамматиче-

скими словоформами, что обусловлено спецификой диалекта как речевого феномена, существующего только в устной форме, с чертами, присущими устно-речевой стихии.

Данные СА отразили как существенную долю общности с явлением антонимии литературного языка, так и специфику.

Как и в литературном языке, диалектные антонимы представлены разными типами.

I. По структуре: 1) однокорневые (*безграмотный, грамотный*); 2) разнокорневые (*днeвать – ночевать*).

II. По типу противоположности: 1) квалитативы и координативы (*толстый – тонкий; днём – ночью*); 2) контративы (*жениться – разойтись; вознаться – спуститься*); 3) комплементативы (*можно – нельзя*); 4) конверсивы (*выиграть – проиграть*).

III. По степени сходства смысловой структуры противочленов пары: 1) полные (*ведро – ненастье*); 2) семантически квазиантонимы (*замухрышчатый – статный, изо всей силы – маленько*).

IV. По частеречной принадлежности: 1) грамматически полные, точные антонимы: а) прилагательные (*лонской – нонешний*); б) существительные (*будни – праздник, белыи – желтыи*); в) предлоги, частицы (*в – из, да – нет*); 2) грамматические квазиантонимы (*болван – умный, в людях – дома, бесплатно – за плату*).

Специфику диалектной антонимии составляют антонимы разной частеречной принадлежности: существительные и прилагательные (*грязнуля – чистоплотный*), существительные и наречия (*ветер – тихо*), наречия и фразеологизмы или свободные словосочетания (*теперь – в наши годы*), прилагательное и сравнительный оборот (*страшный – как кукла ‘красивый’*).

Наряду с антонимами одинаковой стилиевой принадлежности или эмоционально-оценочной окраски (таких антонимов большая часть) выявлены пары с разной стилиевой отнесённостью и эмоциональностью: чаще встречаются пары с нейтральным и эмоционально-оценочным компонентом (*гладкий – лохматенький, болеть – раскочегариваться ‘выздоровливать’, путный – трепач*).

СА продемонстрировал тесную связь двух лексических явлений – явления антонимии и явления мотивации слов в системе говора. Эта связь проявилась в следующем.

1. Преобладающее большинство антонимов вершининского говора (79 %) характеризуется свойством мотивированности (*журавлиха, ключевой, изнобиться*).

2. Высокий процент мотивированных антонимов обуславливает значительное количество антонимических пар с мотивированными или полумотивированными компонентами (*аржаной – пшеничный, кореновик – пристяжка, заболеть – оздороветь*).

3. Противочлены пар на уровне слова и на уровне текста реализуют мотивационные связи – отношения лексической и структурной мотивации: *Партейные сразу вступили в колхоз, а беспартейные боялись в колхоз идти. // Бабушка наша померла вперёд дедушки.*

4. Преобладающее большинство антонимических пар характеризуется соотношением их компонентов, как мотивированный – мотивированный (65 %), меньшая часть антонимов соотносится как мотивированный – немотивированный (22 %), соотношение немотивированный – немотивированный занимает последнее место (17 %).

5. СА послужил исчерпывающим источником для анализа одного из специфических проявлений эксплицирующей функции внутренней формы антонимов, семантическая структура которых характеризуется как общностью, так и предельной противопоставленностью, что приводит к разнообразию способов выражения внутренней формой интегральных и дифференциальных сем противочленов антонимических пар [11. С. 74–78].

6. СА последовательно и многократно проявил связь явления омонимии и явления варьирования слова, что нашло наглядное подтверждение в заглавной зоне словарной статьи и отразилось в иллюстративной зоне.

Во многих словарных статьях СА заголовочное слово сопровождается различными формальными вариантами: фонематическими: *аржаной* (*иржаной*) – *пшеничный* (*пашеничный*), *никогда* (*никогда*), *забывать* (*забывать*), *вчера* (*вчера*) – *завтра* (*завтра*), *ребята* (*робята*); акцентными *комель* (*комель*), *голодный* (*голодный*), *далеко* (*далёко*) – *недалеко* (*недалёко*); грамматическими: *болезнь* (*болезня*), *будни* (*будня*), *верхний* (*верхный*) – *нижний* (*нижний*), *вчерашний* (*вчерашний*) – *сегодняшний* (*сёдняшний*), *привезти* (*привезть*); лексико-морфологическими: *мозговитый* (*мозговатый*), *болтуша* (*болтушка*), *вечёрошный* (*вечёрный*), *вперде* (*впередях*) – *взади* (*взадях*), *внутри* (*внутриях*), *выздороветь* (*оздороветь*), *гусак* (*гусь*, *гусарь*) – *гусиха* (*гусыня*, *гусачка*).

Как видно из приведённых примеров, формальные варианты сопровождают либо один компонент антонимической пары, либо оба компонента. В иллюстративной части словарных статей актуализацию антонимической связи находят как заголовочные компоненты пары, так и их варианты. Пример вариантной пары антонимов в тексте: *женщина* (*женчина*) – *мужчина* (*мужик*). – *У мужчин сердце слабже, чем у женишинов.* // «Станинка» – *называли так: у женщины – «станинка», а у мужика – «итаны».*

7. Достаточно широко, по данным СА, в говоре представлена связь антонимии и с лексико-семантическими вариантами противочленов. Примеры: *белый* ‘цвета снега’ – *чёрный* ‘цвета сажи’ (*Из шёлку свадебно платье шили. Жених [надевал] чёрный костюм, белу рубаху*), *белый* ‘светлый’ – *чёрный* ‘тёмный’ (*Я могу в день скатать пимы. Всякие катал – белы, чёрны...*), *белый* ‘светловолосый, седой’ – *чёрный* ‘черноволосый’ (*Я не люблю таки белы волосы. – Мне дак ничё даже. – Дак сама чёрна, как головёшка, конечно «ничё»*), а также: *баба* ‘женщина’ – *мужик* ‘мужчина’, *баба* ‘особь женского пола’ – *мужик* ‘особь мужского пола’; *бойкий* ‘избалованный’ – *смирённый* ‘послушный’, *бойкий* ‘расторопный’, *активный* – *смирённый* ‘тихий, пассивный’, *большой* ‘значительный по величине’ – *малённый* ‘незначительный по величине’, *большой* ‘подростий (о ребёнке)’ – *малённый* ‘малолетний’, *большой* ‘продолжительный’ – *малённый* ‘непродолжительный’ и многие другие.

8. СА широко отражает связь антонимии с ещё одним лексическим явлением – синонимией, иллюстрируя в текстах актуализацию антонимических и

синонимических связей в рамках одного высказывания: *У нас говорят «ненастливо лето» – всё ненастье, а «слетьё», когда хороша погода, вёдренна погода, как сейчас ешо всё вёдро и вёдро*. В приведённом контексте употреблены наряду с антонимами *ненастливый – вёдренный, ненастье – вёдро*, синонимические пары *хороший, вёдренный* (о погоде) и *слетьё, вёдро* (ясная погода). Подобных контекстов на страницах СА очень много, что заслуживает специального исследования.

Своеобразное переплетение антонимии и синонимии демонстрируют заголовочные статьи: *жениться – развестись и разойтись, вёдренный – дождливый и ненастливый, горбатый – стройный и становитый* ‘хорошего телосложения’, *далеко – недалеко и рядом, деревенский* ‘местный, постоянно живущий в деревне’ – *приезжий и чужой, женатый – молодежь и холостёжь, жить* ‘существовать, быть живым’ – *помереть и скопытиться, забыть – помнить, знать, запомнить* и др.

9. Иллюстративная зона словарной статьи СА продемонстрировала разнообразие функций антонимических пар вершининского говора. В их числе:

а) функция контрастного сопоставления: *ад – рай* (*Вот ешь, пей, кури – это в ад попадёшь, а терпишь – в рай*);

б) функция оценочного противопоставления: *изживать – скопытиться* (*Много ли житья осталось? Чё изживать? Зачем так жить? Недолго ведь старому скопытиться*);

в) дифференцирующая функция: *горбатый – стройный* (*Мать у их горбата, шибко горбата. Така была хороша, стройна*);

г) функция перечисления: *ранний – поздной* (*Раннее сено было, позднее было*);

д) функция пояснения: *замрачать – выяснять* (*Замрачало – это тоже пасмурна погода, дожди, а наоборот – говорили «выяснело»*);

е) описательная функция: *заплетать – расплетать* (*Старухи поют песни невесте, заплетают ей косу <...>, потом девки поют песни и расплетают ей косы*) и др.

Последнее лексическое явление говора, подвергшееся лексикографической параметризации, – явление мотивации слов. Ему посвящен «Мотивационный словарь сибирского говора» (МССГ) [12]. Два его тома включают 4891 словарную статью, которые охватывают практически все лексические единицы говора (свыше 20 тысяч).

МССГ составлен по образцу ранее опубликованного мотивационного словаря Среднего Приобья (МДС) [13], от которого он отличается следующим: МССГ – словарь микросистемы говора, а не макросистемы диалектной группировки, как МДС; отличен количественный состав словарных статей (в МДС их число – 1876); существенно различается и источниковая база обоих словарей, прежде всего лексикографическая; важно и то, что МССГ составлен на основе разрабатываемой теории мотивологии, в то время как МДС стоял у её истоков.

МССГ представляет первый в отечественной и зарубежной лексикографии опыт словарного воплощения ведущего лексического явления говора (и языка в целом) не только по охвату лексикона, но и по широкому функциональному спектру мотивационно связанных слов и внутренней формы слов,

выражающей одно из важных свойств лексической единицы – свойство мотивированности.

Основные итоги МССГ:

1. Введён в научный оборот значительный материал мотивационных парадигм (МП) (около 5000), являющихся единицей словаря и одновременно основной единицей мотивационного контекста, в котором актуализуются мотивационные отношения слов.

2. Представлен исчерпывающий материал для исследования всех типов МП: по числу компонентов – многокомпонентные (МП с ядерными словами *березник, мялка, подорожник, таёжный*) и малокомпонентные (МП с ядерными словами *борона, рассолодеть, сырник*); по виду актуализации мотивационных отношений членами МП – лексические (*распогодиться – погода*), структурные (*сутунок – швырок, раскурочить – растаскать*), структурно-лексические (*серебрянка – серебристый и крестовка, чернобурка*); по степени актуализации компонентов МП в речи – частотные (парадигмы с ядерными словами *рыбачить, песня, приехать*) и малочастотные (*разоблачиться, чахотка*); с учётом происхождения компонентов МП – гомогенные (с ядерными словами *лыжня, хлебница*) и гетерогенные (*башмачок, ботинки*).

3. Введено в научный оборот огромное количество мотивационных контекстов, содержащих актуализованные мотивационные отношения слов. Разнообразие мотивационных контекстов позволяет выделить их типы с опорой на ряд параметров:

а) в зависимости от вида речи: естественно звучащей (знание языка) – тексты или передающей метавысказывание (знания о языке) – метатексты (*Тут пришла наша сношеница, сноха брата. // Две снохи между собой называются «сношеницы», когда женятся два брата*);

б) в зависимости от количества мотивационных сцепок в рамках высказывания – полимотивационные контексты и мономотивационные (*Всё больше деревянные были вилы. Вот в лес пойдёшь берёзовый, стоит вот берёзка така и вот така там рогатулина, все четыре рожка у ней. // Курица снеслася, кричит что-то... Раскричалась*);

в) в составе полимотивационных контекстов, по данным МССГ, выявилось большое число случаев совмещения мотивационных отношений с другими системными связями лексических единиц – с синонимическими (*Телогрейки сам стегал. Самостёжки были, ну таки фуфайки*), антонимическими (*Осподи, раньше дружбы не было. Топерь ходют, сойдутся, вдруг разойдутся. Дети страдают*), отношениями формального варьирования (*Растёт ёлочник, а ещё его называют скрипун. Он ведь от скрипа в костях излечивает, оттого и прозвали его «скрыпун»*). В данном контексте совмещены отношения мотивации – *скрип, скрипун*, отношения синонимии – *ёлочник, скрипун*, отношения формального варьирования – *скрипун, скрыпун*).

Такие мотивационные контексты предстают особый тип контекстов – полисистемный. Ранее отмеченные связи трёх лексических явлений нашли существенное подтверждение взаимопроникновения мотивации, синонимии, антонимии, формального варьирования на уровне текста и метатекста [15].

4. Обширные иллюстративные материалы МССГ послужили источником исследования функционального аспекта мотивологии: определение роли мотивационно связанных слов (МСС) и внутренней формы слова (ВФС).

В коммуникативной сфере говора выявлены различные функции МСС. В их числе: информативная функция (*Цветок – морска капуста. До глубокой осени цветёт, потом пропадает*), метаязыковая («*Свёрток*» *дорогу называют, куда надо свернуть*), текстоформирующая (*Пойлом коров поим. Зачем одной корова: мучитца токо. Ей надо зиму скоко воды перетаскать, утром поит, в обед поит, вечером поит. Греть поило надо, да комбикорм покупать*), стилевого разнообразия, связанная с использованием компонентов мотивационных пар и сцепок разной стилевой принадлежности, например нейтральное – разговорное, нейтральное – сниженное и т.п. (*Толстяками толстых зовут. У меня самой сын. Ростом высокий, а сам толстущий*), или эмоционально-экспрессивной окрашенности (*И лапки беленьки, и хвостик маленько беленький, а сама чёрненька собачонка*).

В экспрессивно-эстетической сфере говора, включающей элементы народно-поэтического стиля, МСС выполняют эксплицирующую функцию, выражая образные средства говора – языковые и речевые метафоры, собственно-образные слова, сравнительные обороты, творительный подобия и др. (*Кукольник – он цветёт жёлтым. Листья широкие <...>, они жилисты, сворачиваются, как куколка. // А есть ешию медуница. Мы «бархатинка» зовём. В покосе нежная сидит, как бархат*), а также различные приёмы и фигуры речи: приём лексического повтора, способствующего созданию экспрессивности контекста (*А когда Миша у меня разбился, я прям рёвом реву, реву, реву*), оживления ВФС (*Рекоста – светок: река стаёт – светёт малиновым, как колпачки*), плеоназма (*Чудаков было много на селе. Вот эти чудаки и чудили*), тавтологии (*Шум шумел: Ивана Купала вот эти дни, вот и миру-то купалось!*), кольца, обрамляющего многие высказывания как текстового, так и метатекстового типа (*Берёзка у меня в избе стоит большая, у ей листья, как у берёзы*), анафоры (*Гусинки кода цветут, на них стручки, как у гороха. Медунки цветут голубенькими цветочками. Саранка цветёт разно, выкопашь – она с шишкой*), хиазма (*Она така растрёпа, ходит как попало: здесь петелька есь, пуговки нету, здесь пуговка есь, петельки нету*), внутренней рифмовки и ритмики (*А дети-то у птиц зовутся, если галка, то галчата, у скворца – скворчата... у лисы бывают лисята*). (Подробнее см. [12. Т. 2. С. 295–306].)

Таковы некоторые итоги комплексной лексикографической параметризации вершининского говора. Предстоит и полное глубинное осмысление данных опубликованных словарей. В ближайшей перспективе – составление и подготовка двух словарей вершининского говора – словаря синонимов и словаря образных единиц. Разработаны и опубликованы концепции названных словарей [16; 17], сформированы коллективы их составителей, ведётся активная работа.

Литература

1. Блинова О.И. Комплексное лексикографическое исследование диалекта // Актуальные проблемы диалектной лексикографии: Межвуз. сб. науч. тр. Кемерово, 1989. С. 11–19.

2. *Блинова О.И.* Полный словарь сибирского говора / Гл. ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2: И–О. 302 с.; 1993. Т. 3: П–Р. 223 с.; 1995. Т. 4: С–Я. 276 с.
3. *Блинова О.И.* Вершининский словарь / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 1: А–В. 308 с.; 1999. Т. 2: Г–З. 309 с.; 2000. Т. 3: И–М. 318 с.; 2001. Т. 4: Н–О. 368 с.; Т. 5: П. 512 с.; 2002. Т. 6: Р–С. 454 с.; Т. 7: Т–Я. 524 с.
4. *Блинова О.И.* Вершининский инверсарий // Вершининский словарь. Томск, 2002. Т. 7. С. 361–516.
5. *Блинова О.И., Иванцова Е.В.* Некоторые аспекты использования обратного словаря как лексикологического источника // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1982. С. 22–29.
6. *Яценецкая М.Н.* «Опыт обратного диалектного словаря» и возможные аспекты использования его материалов в лингвистических исследованиях // Опыт обратного диалектного словаря: Пособие по словообразованию. Томск, 1973.
7. *Иванцова Е.В.* Обратный словарь как лексикологический источник (на материале среднеобских диалектных словарей): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1983.
8. *Богословская З.М.* Словарь вариантной лексики сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2000. Т. 1: А–К. 304 с.
9. *Богословская З.М.* Диалектная вариантология. Томск, 2005.
10. *Богословская З.М.* Диалектная вариантология: лексикологический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2006.
11. *Блинова О.И.* «Словарь антонимов сибирского говора» как источник мотивологии // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии: К 80-летию Ф.П. Сороколетова. СПб., 2004. С. 70–79.
12. *Мотивационный словарь* сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой; авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко. Томск, 2009. Т. 1: А–О. 372 с.; 2010. Т. 2: П–Я. 310 с.
13. *Мотивационный диалектный словарь:* Говоры Среднего Приобья / Ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1–2.
14. *Блинова О.И.* Мотивационная парадигма как единица метаязыка и текста // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2000. Ч. 1. С. 42–45.
15. *Гайсина М.Э.* Системные связи компонентов синонимического ряда «Словаря синонимов сибирского говора» // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых учёных, 17 апр. 2009 г. Томск, 2009. С. 31–34.
16. *Блинова О.И.* Структура «Словаря синонимов сибирского говора» // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. 2009. С. 119–127.
17. *Блинова О.И.* Концепция «Словаря образных единиц сибирского говора» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2010. № 3(11). С. 5–14.